

Староста наконец выговорился и, уставший, побрел прочь, заложив руки за спину. Тан Кайци и Ма Лоу молча принялись собирать уцелевшие вещи. Чжун Мань с тоской уставился в небо и прошептал:

— Хотя я и не вижу, но в голове образ старосты уже сложился.

— И какой же? — спросил Кайци.

— Вылитый Тан Сэн, — отозвался Чжун Мань.

— Ха-ха... ой! — Ма Лоу попытался рассмеяться, но тут же охнул от боли в разбитой щеке.

Ведра были разбиты в щепки, одежда и обувь на берегу перепачканы в иле, а полтора десятка рыбин валялись на траве — нести не в чем.

Тан Кайци, недолго думая, стащил через голову рубаху и соорудил из неё мешок.

Ма Лоу хотел было последовать примеру, но спохватился: на нем и так остались одни трусы, раздеваться дальше — значит навсегда опозориться в деревне.

— Брат Кайцэ... — жалобно позвал он.

Тан Кайци хотел было послать его куда подальше, но, глядя на его распухшее лицо, сжалился. Он молча стянул семейники, бросил их другу, а сам обернул бедра тополевыми ветками, прикрыв самое важное.

Так они и побрели домой: двое грязных парней с узлами рыбы ведут под руки слепца. Зрелище было жалкое.

По дороге им попались старики, гревшиеся на солнышке. Кайци и Ма Лоу старались не поднимать глаз.

Когда они отошли подальше, один дед прошамкал:

— Ишь ты, где ж это они так вывалялись? Никакого сладу с ними нет. Сын Дэлуна вон вообще сверкает голым задом, даже исподнее потерял.

— И не говори, — поддакнула старуха. — Никакого приличия. Кто ж за таких замуж пойдет?

Едва переступив порог, Чжун Мань потребовал мыться. Тан Кайци, весь в грязи, принялся греть воду. Он притащил чан в комнату к гостю, а сам отправился во двор — ополаскиваться

ледяной водой из ведра.

Стоя нагишом, он выливал на себя ведро за ведром, смывая ил. Пару раз на него покушался гусь, но Кайци ловко перехватывал его за шею и отшвыривал подальше.

Закончив, он оделся и принялся за рыбу: решил потушить Чжун Маню на обед свежатины, а остальное засолить впрок.

С тех пор как Чжун Мань приехал, он еще ни разу не поел как следует. Чтобы гость съел побольше, Кайци даже сбегал к соседке за специями для рыбы.

За столом он терпеливо выбирал косточки и подкладывал мясо в миску Чжун Маню.

— М-м, вкусно, — одобрил Чжун Мань.

Тан Кайци расцвел:

— Тогда ешь побольше, я две штуки потушил.

Чжун Мань ел очень аккуратно, маленькими кусочками, и, к удивлению хозяина, приговорил целую рыбину. Когда он насытился, Кайци сам принялся за еду.

Жуя, он думал: «И правда вкусно. Только это не просто рыба, это цена моей гордости. Эх, давно я рыбки не ел. Стоп... как это давно? На прошлой неделе ведь на рынке покупал, голову тогда съел. А погодите-ка... почему только голову? Кто остальное съел?»

Тан Кайци замер с набитым ртом, напряженно вспоминая.

Вдруг его глаза округлились: «Матушки мои, про Люй Маоданя-то я совсем забыл!»

Он глянул на объедки в тарелке, перестал жевать и поспешил в восточную пристройку.

Люй Маодань всплыл на поверхность чана и уставился на принесенные рыбы головы и хвосты. В его взгляде читалось: «И ты серьезно предлагаешь мне эти отходы?»

Кайци стало неловко. Раньше всё самое вкусное всегда доставалось гу. Даже когда родители привозили мясо из города, большая часть шла в чан.

А сегодня он так пекся о Чжун Мане, что про старого друга и не вспомнил.

Такого еще никогда не бывало. Тан Кайци решил, что во всём виноват Шуаньцзы. Если бы не драка на реке, он бы ни за что не забыл покормить своего духа.

— Ну, перекуси чем есть, — виновато пробормотал он. — Вечером утиное яйцо тебе сварю.

Люй Маодань, похоже, обиделся не на шутку: он ушел на дно и больше не показывался, как Кайци его ни выманивал.

Пришлось скормить рыбы головы кошке.

— На, Куайкуай... то есть, Мими, ешь давай.

Прошло два дня. Лодыжка у Чжун Маня почти зажила, и как раз подоспел день, когда в деревню заходил автобус.

Ни свет ни заря Тан Кайци разбудил гостя — пора ехать в городскую больницу.

Чжун Мань, который раньше страдал бессонницей, в деревне стал спать так крепко, что теперь не хотел вылезать из-под одеяла.

Тан Кайци уже оделся и, видя, что тот не шевелится, принялся стаскивать с него пижаму:

— Вставай, а то на рейс опоздаем!

Чжун Мань резко подскочил, отбиваясь:

— Ты что творишь?!

— Помогаю одеться! Говорю же тебе — зачем спать в одежде? Сплошная морока.

Чжун Мань, плотнее запахнув ворот, отрезал:

— Выйди. Я сам.

— Ишь ты, какой скромный! — хмыкнул Кайци. — Оба мужики, чего стесняться-то? Я в детстве при тебе в штанах с разрезом бегал и не краснел.

— Господин Тан, не у всех кожа такая толстая, как у вас.

Тан Кайци осекся. Он как-то странно замер и на негнущихся ногах вышел во двор. Там он остановился, уставившись на свою собаку.

«Господин Тан... он назвал меня „господин Тан“».

«Господин... и как это у него так складно выходит? Стоп, в фильмах же богатые дамы так своих мужей представляют — мол, это мой господин...»

Когда Чжун Мань умылся и собрался, Кайци усадил его на багажник своего старого велосипеда и покатил в соседнюю деревню к остановке. В больницу они попали только к девятому часу.

Тан Кайци бегал по этажам: брал талончики, водил Чжун Маня за руку к врачам, на рентген. Наконец они присели в коридоре ждать результатов.

— Есть хочешь? — спросил Кайци.

Утром они и маковой росинки во рту не держали. Чжун Мань признался:

— Если честно, проголодался.

Тан Кайци выудил из кармана два утиных яйца, очистил их и вложил ему в руки.

Чжун Мань улыбнулся:

— Не ожидал от тебя такой предусмотрительности. Еще теплые... когда ты успел их сварить?

— Пока ты там копался с одеванием, — буркнул Кайци.

— А сам? Ты тоже ешь.

— Да я уже перехватил лепешку, пока яйца варились. Я три штуки сварил: эти два тебе, а еще одно...

Тут Тан Кайци так и подскочил: полный завал! Улетел в спешке и опять забыл покормить Люй Маоданя!

— Еще одно? Кому оно? — спросил Чжун Мань.

Тан Кайци открыл было рот, но нашелся:

— Еще одно... это на потом тебе, дома разогрею.

<http://bllate.org/book/18973/1864238>